

4. Seton-Watson, R. W. James Young Simpson / R. W. Seton-Watson // The Slavonic and East European Review – Vol. 13 (№ 37). – Jul., 1934. – P. 187–189.

5. Simpson, J. Y. Side-lights on Siberia: some account of the great Siberian railroad, the prisons and exile system / J. Y. Simpson. – Edinburgh: William Blackwood, 1898. – 384 p.

6. Simpson, J. Y. The self-discovery of Russia / J. Y. Simpson. – New York: George H. Doran company, 1916. – 227 p.

7. Information from a reliable Czech source. December 1927 // Cabinet Papers. Nos: 301(27) – 327(27). [Electronic resource] – URL: <http://filestore.nationalarchives.gov.uk/pdfs/large/cab-24-190.pdf>. – Date of access : 12. 01. 2021.

УДК 94 (476) «1941–1945 гг.»

Н. Н. Козлова

ГУО «Гомельское кадетское училище», г. Гомель

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КЛИРИКОВ ГОМЕЛЬЩИНЫ С ПАРТИЗАНСКИМ ДВИЖЕНИЕМ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье структурированы сведения о 16 клириках, служивших в регионе в военный и послевоенный периоды, которые были связаны с партизанским движением. Они составлены на базе архивных изысканий и полевых экспедиций, проведенных членами Церковно-Исторической Комиссии при Гомельской Епархии (ЦИКГЕ): С. В. Цыкуновым, Н. В. Шукановым, А. Ф. Потаповым и автором. Деятельность клириков в оккупационный период описана в контексте их сложного взаимодействия с партизанами, коллаборантами, оккупантами.

Широкая общественность Республики Беларусь недостаточно осведомлена о роли Православной Церкви Белоруссии в Великой Отечественной войне. Эта проблема затронута в обобщающем исследовании «Беларусь у гады Вялікай Айчыйнай вайны: Праблемы гістарыяграфіі і крыніцазнаўства» [1]. Пожалуй, исключением следует считать описанное, уже в послевоенный период, участие в партизанском движении клириков В. Д. Копычко, К. П. Раина [2, с. 12–15]. Прорывом в этом направлении явились работы С. В. Силовой [3; 4]. Она составила список 43 священнослужителей БССР, принимавших

участие в освободительной борьбе белорусского народа [3, с. 94–95; 4, с. 64–65], описав пастырские труды А. И. Мисеюка [4, с. 25–27, 52]. Сведения о служении клириков в 1941–1945 гг. содержатся в трудах Ф. Кривоноса [5] и А. В. Слесарева [6]. Необходимо дополнить эти сведения выявленными именами священнослужителей исследуемого региона, собранных членами ЦИКГЕ, что и будет являться *целью* работы. Историография вопроса и список 72 клириков, которые трудились в регионе в период Великой Отечественной войны, опубликован ранее [7, с. 23–25].

В современной российской и отечественной историографии описаны изменение и потепление государственно-церковных отношений, начавшееся с 1941 г., и антифашистская позиция Московского Патриархата [3, с. 65; 4, с. 21–23; 6, с. 4–7; 8, с. 141–175]. Деятельность складывающегося епархиального управления в 1941–1943 гг. была политизирована, находилась под строгим контролем со стороны Генерального комиссариата. В экстремальный период клирикам приходилось делать выбор, на чью сторону становиться: Московского Патриархата, белорусских коллаборантов или оккупационной власти. Напомним, что православные священнослужители должны были постоянно отмечаться в комендатуре, составлять клировые ведомости, подавать сведения о состоянии молитвенных зданий [1].

Патриотически настроенные клирики пользовались авторитетом среди белорусского населения. Согласно материалам полевых экспедиций, священник Алексей Дмитриевич Валяев (служивший в селе Шихово Стрешинского района), не запятнал честь сотрудничеством с фашистами. Они установили его связи с партизанами, священнику угрожал арест. Поэтому А. Д. Валяев ушёл в партизанский отряд и оставался там до прихода советских войск [9]. Респонденты свидетельствуют, что был связан с партизанами и подпольщиками 55-летний украинский священник Михаил (фамилия его забыта), служивший в с. Уть Добрушского района, который остался в памяти народа как добрый, трудолюбивый пастырь, обладающий звонким, красивым голосом. Члены ЦИКГЕ предполагают, что это мог быть Михаил Андреевич Корнадудов, т. к. он был благочинным церковью Тереховского района [1; 7, с. 25]. Священник Михаил был осужден Постановлением Особого Совещания НКГБ СССР от 11 декабря 1944 г. на 10 лет ИТЛ. Причины ареста не выявлены, возможно, по обвинению в связях с оккупантами [1].

Согласно отчетам, уполномоченного Е. Цуканова «...протоирей И. В. Пищиков, трудившийся в Чечерском храме, с 1915 г. до 1953 г., и

известный клирик И. Н. Колесников не только оказывали материальное содействие партизанам... они постоянно говорили народу, что Советская власть вернется и нельзя слушать немецких прихлебателей...» [10, л. 4, 16, 21; 11, л. 101]. С. И. Пшенко, служивший в 1946 г. в с. Демехи Речицкого района, также содействовал партизанскому движению [10, л. 10]. С партизанами был связан и Н. Е. Сонотов, служивший в оккупационный период в церкви Быч Кормянского района [12, л. 27]. Связным партизанского отряда являлся клирик А. Г. Прищепов [6, с. 166]. Материальную поддержку для закупки медикаментов партизанам оказывал протоиерей, А. М. Хведосюк, Рогачевский благочинный [6, с. 108].

Находясь в партизанской зоне, православный священник не мог не встречаться с партизанами. Для приходских священников достаточно частым явлением было посещение их и партизанами, и полицейскими, причем в любое время суток. Малейшая ошибка в поведении служителя культа могла повлечь гибель, как от рук карателей, так и от рук партизан. Священники, помогавшие партизанам и подпольщикам, хорошо понимали, что ставят под угрозу не только свои жизни, но и жизни своих близких.

Священник Свиридовичской церкви Речицкого района Леонтий Барсук был связан с партизанами [10, л. 25]. По преданию, он спас родную деревню от уничтожения, предотвратив подготовленную карательную операцию для уничтожения взрослого населения деревни, оказывавшего содействие партизанам, которые в 1942–43 гг. плотно дислоцировались в близлежащих лесах [1].

Согласно архивным сведениям, монах Ефросин (Щемелев) оказывал содействие партизанам [10, л. 25]. Однако, его нововыявленные рукописные письма свидетельствуют о том, что после того, как клирики и прихожане оказывали помощь партизанам, фашисты ужесточили условия оккупационного режима. В селах, в которых партизаны не были столь активны, фашисты были относительно терпимы к мирному населению [1].

Неоднозначна информация о контактах с партизанами протоиерея Феодора (Рафанович; 1888–1975). Согласно сведениям респондентов, старожилов д. Довск Рогачевского района И. О. Клинтухова, 1936 г. р., А. Н. Клинтуховой, 1939 г. р., и Н. Е. Числовой, 1938 г. р., переданных их родителями, он оказывал всяческое содействие партизанам [1]. Но, материалы последних полевых экспедиций, проведенных членом ЦИКГЕ А. Ф. Потаповым, свидетельствуют о другой версии. Его ближайшие сторонники и дочь Параскева (Наталья Рафанович) утверждают, что проповеди, обличающие гонения на

церковь в межвоенный период, и его стойкая приверженность к ИПЦ, вызывали угрозы и преследования со стороны партизан [1; 13, с. 54–77]. Последние строго следили за тем, чтобы в проповедях священников не было высказываний против советской власти [1], [4, с. 15], [8, с. 178–180]. Следовательно, для воссоздания объективной картины, необходимо сопоставление данных авторитетных историков, результатов полевых экспедиций и архивных источников.

Обобщая информацию о взаимоотношениях священнослужителей и партизан, напомним, что последние к концу 1943 г. контролировали 60 % оккупированной территории Беларуси. Следует отметить, что отношение партизан к клирикам было неоднозначным. В некоторых отрядах партизаны считали священников врагами народа, коль они общаются с оккупантами, предполагалось, что с ними следует расправиться. В других отрядах партизаны старались подчеркнуть терпимое отношение к церкви [8, с. 155].

Значительная часть клириков помогала партизанскому и подпольному движению. Они подвергались репрессиям со стороны оккупационных властей. Но, были и священники, которые сотрудничали с оккупационным режимом. Им выносили смертные приговоры. Всего за годы оккупации партизанами в Беларуси были убиты 42 православных священника, среди них и речицкий священник Борис Мацкевич [3, с. 43]. В гомельском регионе такие случаи были единичны.

Неоднозначные контакты священнослужителей и партизан не прошли мимо внимания оккупационных властей. Священники с февраля 1943 г. были обязаны подавать письменные отчеты о встречах с партизанами. Больше всего нацистов интересовало, верит ли народ агитационным сообщениям об изменении церковной политики большевиков, и как он на эти сообщения реагирует. В 1943 г. некоторые командиры отрядов поощряли открытие церквей, приглашали священников для проведения служб в партизанских зонах [3, с. 65]. Зная о контактах священнослужителей с прихожанами через исповедь, оккупанты привлекали их к контролю за населением. Иногда они заставляли доносить певчих и церковных старост, не гнушались организацией провокаций. Так, по свидетельству местных старожилов, нижеприведенная трагедия, произошедшая в оккупационный период в селе Пиревичи Жлобинского района, иллюстрирует сложность проблемы выбора священнослужителей, и, к сожалению, козней вокруг нее. Семья священника Василия Шекунова была сожжена в своем доме партизанами за то, что о. Василий якобы

сотрудничал с оккупационными властями. Провокация была устроена одним местным жителем Т. Алексеем (фамилию его старожилы не разглашают), который находился в партизанском отряде и был одновременно тайным сотрудником полиции. Старожилы утверждают, что цель провокации – дискредитация партизанского движения. Ряд членов ЦИКГЕ не может однозначно определить организаторов провокации [1].

Продумано и гибко «лавировал» между фашистами и партизанами протоиерей Александр Николаевич Дзичковский (1905–1982 гг.). Рискуюя жизнью, он спас от расстрела местного крестьянина, подозреваемого в связях с партизанами. Спас о. Александр от смерти и одну пожилую еврейку, которую до прихода советских войск прятал в своём сарае [1]. Во Всехсвятской церкви с. Пиревичи Жлобинского района он служил с 1959 по 1965 г. Вместе с матушкой Феодорой отец Александр воспитал десять детей, пятеро сыновей стали священниками и посвятили свою жизнь служению Богу и людям.

Однако были и казусные случаи сопричастности партизанскому движению. В связи с фрагментарностью выявленных анкетных данных, сложно составить точную и объективную картину нижеизложенных инцидентов, но они представляют определенный интерес. Так «...учитель Белицкий из Кормянского района, якобы служивший в оккупационный период в нескольких церквях был награжден...за привод немецких солдат к партизанам...однако был разоблачен и уволен из школы за данное вранье...» [11, л. 25].

Следует отметить, что уже в 1944 г. начались проверки деятельности священников, служивших на оккупированной территории. Якобы за контакты с фашистами НКГБ СССР были осуждены клирики региона: М. И. Остапенко, Г. М. Зубов, А. М. Хведосюк, И. Ф. Яроцкий, М. Корнадудов [1]. Дела были сфабрикованы, так как они были реабилитированы в 1990-е гг., за исключением М. И. Остапенко, о котором выявлены отрывочные сведения.

Таким образом, война показала духовную силу многих клириков и верующих. Патриотизм православного духовенства и мирян оказался сильнее обид и ненависти, вызванных долгими годами гонений на религию. Многие священнослужители не отделяли свою жизнь от жизни страны, за что и пользовались уважением среди населения. Причины, побудившие православное духовенство помогать партизанам и подпольщикам, были вызваны не столько прямыми указаниями

Московского Патриархата, сколько морально-нравственными качествами священнослужителей.

Однако процессы восстановления церковной жизни в годы Великой Отечественной войны в восточных регионах БССР были сложны. На конкретных региональных примерах описано неоднозначное взаимодействие партизан, клириков, оккупационных властей. Данная проблема не до конца разработана. Не введены в научный оборот многие источники по истории Православной Церкви Белоруссии в оккупационный период. Не востребованы документы из фондов КГБ РБ и фондов белорусской коллаборации.

Список источников и литературы

1. Текущий архив Церковно-Исторической Комиссии при Гомельской Епархии (ЦИКГЕ).
2. Партизанский Акафист // Слово. – 1989. – № 11. – С. 13–26.
3. Силова, С. В. Православная церковь в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). / С. В. Силова. – Гродно: ГрГУ, 2003. – 105 с.
4. Силова, С. В. Крестный путь. Белорусская Православная Церковь в период немецкой оккупации. 1941–1944 гг. / С. В. Силова. – Минск: Белорусский Экзархат, 2005. – 66 с.
5. Кривонос, Ф. Незабвенный Пастырь. Преподобномученик Серафим (Шахмуть) / Ф. Кривонос. – Минск: Врата, 2016. – 49 с.
6. Слесарев, А. В. Матриролог Гомельской епархии (1917–1953) : биографический справочник / А. В. Слесарев. – Минск: Издательство Минской Духовной Академии, 2017. – 339 с.
7. Козлова, Н. Н. Об особенностях восстановления церковной жизни на Гомельщине в 1941–43 гг. / Н. Н. Козлова // Известия ГГУ. – 2019. – № 1. – С. 20–25.
8. Шкаровский, М. В. Русская Православная Церковь в XX веке. / М. В. Шкаровский. – М.: Лепта, 2010. – 432 с.
9. Газета «Церковное слово». – 2014 – № 5.
10. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 3441. – Оп.1. – Д. 9.
11. ГАГО. – Ф. 3441. – Оп. 3. – Д. 44.
12. ГАГО. – Ф. 3441. – Оп. 1. – Д. 1.

13. Патапаў, А. Ф. Вытокі станаўлення праваслаўя і іншых рэлігійных абшчын на Рагачоўшчыне. / А. Ф. Патапаў. – Мінск: Выд-ва «Печанка», 2012. – 81 с.

УДК 94:322(476.2)"192/196"

А. Д. Лебедев

ГГУ им. Ф. Скорины, г. Гомель

СЛУЖИТЕЛИ РЕЛИГИОЗНОГО КУЛЬТА В МАТЕРИАЛАХ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА СОВЕТСКИХ ОРГАНОВ НА ГОМЕЛЬЩИНЕ В 1920–1950-Х ГОДАХ

В статье на примере материалов делопроизводства советских органов показаны особенности контроля за деятельностью духовенства на Гомельщине в 1920–1950-х гг. Выявлены основные мероприятия органов советской власти на этом направлении.

Вооруженный большевистский переворот 1917 г. и последовавшее за этим установление однопартийной диктатуры, коренным образом изменили привычный уклад жизни населения белорусских губерний. Особенно изменилось положение так называемых «бывших» или эксплуататорских классов, лишенных избирательных прав и поэтому получивших название «лишенцы». По конституции РСФСР 1918 г. к ним относились: торговцы, лица, прибегающие к наемному труду, служащие бывшей полиции, служители церквей и религиозных культов, монахи, лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления, лица, признанные в установленном порядке душевнобольными [1].

Естественно, что местные власти должны были взять на учет все эти группы. Как правило исполкомы составляли списки лиц, лишенных избирательных прав, впоследствии взаимодействуя с местными избирательными комиссиями с целью недопущения участия лишенцев в голосовании на выборах. Такие списки составлялись по каждому городу, уезду, волости, деревне. Например, в списке лиц, лишенных избирательных прав по городу Гомелю и Новобелице за 1928 г. находилось 34 фамилии священника. Указывались фамилия, имя и отчество, а также место жительства. Примечательно, что некоторые священники проживали в «сторожках» при церквях. Например, В. В. Зубарев в сторожке у Троицкой церкви, Г. В. Ковалев в сторожке Преображенской церкви, П. К. Рылло в сторожке